

БОЛЬШОЕ СПАСИБО, МИСТЕР КИББЛВАЙТ

РОДЖЕР
ДОЛТРИ
МОЯ ИСТОРИЯ

АВТОБИОГРАФИЯ ОСНОВАТЕЛЯ ГРУППЫ THE WHO

Роджер Долтри
Моя история. Большое
спасибо, мистер Кибблвайт
Серия «Music Legends & Idols»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50405766

Р. Долтри. Моя история: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-115160-7

Аннотация

«Моя история» – это откровенная история о том, как обычный парень из бедной семьи, заводской рабочий, так сильно любил музыку и верил в свою мечту, что сумел воплотить ее в жизнь и стать величайшим рок-музыкантом. Умудрившись не погрязнуть в круговороте наркотиков, буйной закулисной жизни и хаосе, царящем во время гастролей, Долтри уверенно вел свою группу к успеху. Эта книга не просто история жизни знаменитого британского музыканта, но и полная, точная биография The Who.

Содержание

Глава 1. Фланелевая рубашка	5
Глава 2. Вон из школы	24
Глава 3. Годы скиффла	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Роджер Долтри

Моя история

Roger Daltrey

Thanks A Lot Mr Kibblewhite. My Story

© RHD LLP 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Посвящается Хизер.

Глава 1. Фланелевая рубашка

Одним жарким душным вечером во Флориде в марте 2007 года мы с Питом вышли на сцену амфитеатра «Форд» в Тампе. В девятый раз за этот месяц и в семьдесят девятый за последние полтора года концерт начался с песни «I Can't Explain». Я махнул своим микрофоном в сторону аудитории, приготовившись начать шоу, и уже взялся было петь первую строку: «Got a feeling inside...», как вдруг мне показалось, что микрофон весит целую тонну. Он вылетел из моих рук, как брошенный с корабля якорь. Вернулся он обратно или нет – этого я сказать не могу. Все вдруг провалилось во тьму.

Очнулся я уже за кулисами. Перед глазами плясали размытые огоньки, то рядом, то вдалеке слышались обеспокоенные голоса. Пит стоял возле меня, он пытался понять, что случилось. Откуда-то издалека доносился галдеж двадцати тысяч разочарованных фанатов. На протяжении пятидесяти лет подряд я всегда справлялся. Я всегда выходил на сцену и выступал. Сотни, даже тысячи концертов: пабы, клубы, дома культуры, церкви, концертные залы, стадионы, «Пирамид-стейдж»¹, «Голливуд-боул»², Супербоул³, «Вудсток»⁴.

¹ «Пирамид-стейдж» – одна из самых известных концертных площадок в мире, главная сцена музыкального фестиваля в Гластонбери. (Прим. ред.)

² «Голливуд-боул» – концертный зал в виде амфитеатра под открытым небом в районе Голливуд в Лос-Анджелесе. (Прим. ред.)

Обычно, стоило только сцене озариться светом, как я уже стоял на переднем крае и был готов зажигать. Но не в этот вечер. Впервые с того самого момента, как в возрасте двенадцати лет я взял в руку микрофон, чтобы петь песни Элвиса, я не смог выступить. Меня погрузили в карету скорой помощи. В тот вечер я был разочарован сильнее всех. Под вой сирены я приобретал новый горький опыт: я чувствовал себя беспомощным.

В течение нескольких дней врачи осматривали меня вдоль и поперек и в конце концов пришли к выводу, что уровень соли в моем теле был намного ниже нормы. Сейчас это кажется очевидным, но тогда до меня не сразу дошло. Каждый раз, когда мы отправлялись на гастроли, длившиеся по два-три месяца, мне становилось дурно. Очень-очень дурно. И сейчас, после всех этих лет, я понял, что ларчик, оказывается, открывался довольно просто. Всею виной была соль, а точнее, ее недостаток. Вся эта беготня и работа до седьмого пота буквально высушивали меня. Мы работали как атлеты, но никогда не тренировались как атлеты. Два-три часа, концерт за концертом – нам даже некогда было подумать об

³ Супербоул – в американском футболе название финальной игры за звание чемпиона Национальной футбольной лиги Соединенных Штатов Америки. (Прим. ред.)

⁴ «Вудсток» – рок-фестиваль, проходивший в американском штате Нью-Йорк в 1969 году. Один из самых знаменитых музыкальных фестивалей всех времен и народов, символ конца «эры хиппи» и начала сексуальной революции. (Прим. ред.)

этом. Никаких разминок и растяжек, витаминов и пищевых добавок. Лишь гримерные, в которых стояли бутылки с алкоголем. Мы же рок-группа, а не футбольная команда.

Но это было не единственным откровением той недели. Пару дней спустя один из врачей подошел ко мне, сжимая в руке снимок грудной клетки.

– Итак, мистер Долтри, скажите на милость, когда вы умудрились сломать позвоночник? – спросил он.

Я вежливо возразил, что ничего не ломал. А он так же вежливо заверил меня, что у меня абсолютно точно был перелом. Все доказательства были у него на рентгеновском снимке: один случай перелома, плюс один не очень осторожный пациент.

Скорее всего, вы думаете, что я наверняка должен был бы запомнить момент, когда сломал позвоночник, но на мою долю выпало столько передраг, что так с ходу и не скажешь. В любой истории рок-н-ролла присутствует элемент удачи, но удача приходит только вместе с тяжким трудом. Если упал, то поднимайся и просто шагай вперед. Таковы были правила в самом начале, и таковыми они остаются по сей день.

Мне на ум приходят три случая, когда я мог сломать позвоночник. Это могло произойти, когда мы снимали клип «I'm Free» для фильма «Томми» в 1974 году. В видео на отметке 01:15 есть момент, когда солдат отправляет меня в кувырок. Это был довольно простой трюк, но я очень неудачно приземлился. Не могу припомнить, слышал ли я какой-ни-

будь хруст, но было чертовски больно. Большую часть дня мы потратили на съемки вступительной части песни, где мой персонаж, Томми Уолкер, выбивает спиной стекло и падает в воду. Сначала мы сняли эту сцену снаружи, а затем пошли в студию, чтобы продолжить съемки на фоне синего экрана. Мы угробили на это целый день. Я падал с высоты пары метров на мат и так дубль за дублем. «Еще разок, Роджер» – это было одной из любимых реплик Кена Рассела. Ему всегда нравилось доводить своих актеров до ручки.

– Ты уверен, что это необходимо, Кен? – отвечал я, возможно, уже заработав перелом позвоночника.

– Еще разок, Роджер.

– Как скажешь, Кен.

Или же я мог получить перелом в марте 2000 года по дороге на концерт «The Ultimate Rock Symphony» на стадионе «Сидней Энтертейнмент Центр». Пол Роджерс из Bad Company позвонил мне и сообщил, что заболел, поэтому мне пришлось выступить вместо него. За мной заранее выслали фургон, я запрыгнул внутрь и по пути разогревал свой голос. Я проделывал одно странное упражнение: одной рукой придерживал язык полотенцем, а второй держал себя за подбородок, исполняя при этом чудные гаммы. Звучало и выглядело это довольно дико, будто в меня вселился демон. Хочется верить, что этот демон был относительно мелодичным, но все-таки это не самое лучшее занятие, когда ты вот-вот попадаешь в аварию.

Одному богу известно, что было на уме у той женщины, которая свернула на автостраду. Она вклинилась в наш ряд без предупреждения. Мой водитель успел затормозить, и мы врезались в нее сбоку. Все было не так уж плохо. Мой язык по-прежнему был завернут в полотенце, и мы все еще были живы. Я не слышал, чтобы что-нибудь хрустнуло, но мне было чертовски больно. Когда мы наконец прибыли на концерт, мной занялся остеопат, который по косточкам собрал меня перед выходом на сцену. Полагаю, что тот вечер я пережил всецело благодаря адреналину, но последующие три года боль не утихала.

Однако, скорее всего, это случилось, когда я был в лагере в возрасте девяти или десяти лет, скажем, в 1953 году. Я состоял в организации «Бригада мальчиков» (международная христианская молодежная организация в духе бойскаутов. — *Прим. пер.*) и расхаживал туда-сюда по пляжу, горланя бойкие американские маршевые песни, изумляя отдыхающих. Я пел как маленький ангелочек. Единственной проблемой был мальчик по имени Реджи Чаплин, который также состоял в «Бригаде мальчиков». Это был здоровенный пацан. Я не шучу, он был на фут выше меня и на два фута шире. Он жил на Уэнделл-роуд в Шепердс-Буш, что было лишь в пяти минутах от моего дома на Перси-роуд. Но это имело колоссальное значение. В том районе жили семьи, с которыми лучше не связываться. Там и сейчас есть такие семьи, таков уж Лондон. В Шепердс-Буш стоило бояться Чаплинов, кото-

рые проживали на Уэнделл-роуд. Это была мрачная семья с мрачной улицы, и, к сожалению, здоровяк Реджи затаил на меня злобу.

Итак, мы были в лагере, и поскольку я был самым маленьким, меня решили бросить на одеяло и подкинуть вверх. Примерно таким образом развлекали себя дети, до изобретения «Айпадов». Реджи был заводилой, и, когда я подлетел на высоту пятнадцати футов, он выкрикнул: «А теперь отпускаем его!». Я до сих пор слышу, как этот засранец кричит: «Отпускаем его!».

Разумеется, они убрали одеяло. Я ничего не мог с этим поделать. Я камнем грохнулся на землю и потерял сознание. Возможно, тогда что-то и хрустнуло, но я был далеко-далеко в царстве фей. С одной стороны, это означало, что отдых в лагере был окончательно испорчен. Я должен был провести остаток дня в дурацкой больнице, и до конца недели мне пришлось проторчать в палатке «Бригады мальчиков», мучаясь в агонии, причиной которой, как я узнал недавно, была мой сломанный позвоночник. Но с другой стороны, я уладил проблемы с Реджи.

Пока я лежал на земле без сознания, он был уверен, что уколошил меня. Когда я пришел в себя, Реджи был первым, кого я увидел, и он плакал. Самый подлый парень из Шепердс-Буш в три ручья лил слезы, испытывая чувство вины и страха. Парень чувствовал себя ужасно. После этого случая он сделался моим ангелом-хранителем, и отныне я был

с Чаплином на дружеской ноге. Теперь я мог не опасаться мрачного семейства с мрачной улицы. Все стали относиться ко мне иначе. Я стал неприкосновенным. Благодаря этому я продержался всю начальную школу, но после нее все пошло наперекосяк. Однако я забегаю вперед. Мы должны вернуться в те времена, когда меня не заботили вероятные переломы позвоночника и школьные проблемы. Мы должны вернуться в самое начало.

* * *

Моя мама откладывала роды до первых часов 1 марта 1944 года, прежде чем явить на свет вашего покорного слугу. Она не хотела, чтобы я родился в високосный год 29 февраля. Только представьте: день рождения раз в четыре года. Это никуда не годится, не так ли? Хотя при таком раскладе сегодня мне было бы лишь восемнадцать с половиной.

Мне повезло, что я вообще родился. У Грейс Ирен Долтри – но вы можете называть ее Ирен, как и все остальные, – в 1938 году диагностировали болезнь почек. Когда ей удалили одну из почек, ее здоровье еще сильнее пошатнулось, и в итоге она заболела полиомиелитом. Она провела два месяца в «железных легких», одном из первых в Британии аппаратов для искусственного дыхания, в госпитале Фулема. Долгое время ее жизнь висела на волоске, и лишь чудом ей уда-

лось выжить, но на следующие несколько лет она была прикована к инвалидной коляске.

Впрочем, с моей точки зрения, куда важнее были предостережения врачей о том, что она никогда не сможет иметь детей. Если бы они оказались правы, то это была бы очень короткая книга, но мой папа принял вызов. Когда началась война, он отправился во Францию с Королевской артиллерией, и это все равно не остановило его. Его довольно часто отпускали домой повидать маму, выдавая отгулы по семейным обстоятельствам. Девять месяцев спустя после одного из этих очень «обстоятельных» визитов вопреки всему на свет появился я, Роджер Гарри Долтри.

Это было непростое время для того, чтобы заводить ребенка. Люди считают, что «Блиц»⁵ закончился в 1941 году. Как бы не так! Март 1944 года стал третьим и самым худшим месяцем операции «Steinbock»⁶ – «Маленького блица», длившегося пять месяцев и показавшегося совсем не маленьким пережившим его людям. Люфтваффе бомбили весь Лондон, а затем, когда стали терять надежду на успех операции, они принялись запускать крылатые бомбы V-1. Первый удар произошел, когда мне было восемь недель. Через месяц немцы сбрасывали уже более ста бомб в день.

⁵ «Блиц» – кампания стратегической бомбардировки Великобритании во время Второй мировой войны, длившаяся с 7 сентября 1940-го по 10 мая 1941 года. (Прим. ред.)

⁶ Операция «Steinbock» – ночные бомбардировки Лондона в феврале – марте 1944 года. (Прим. ред.)

Одной из целей была фабрика по производству боеприпасов в Актон-Грин, в добрых двух милях от Перси-роуд, но V-1 всегда терпели неудачу. Двойной агент Эдди Чапмен сообщал немцам о точности бомбардировок и дезинформировал их, чтобы они не вносили корректировки в свои расчеты. Хвала небесам за его работу, но это означало, что улицы Шепердс-Буш брали на себя основной удар. Каждый раз, спасаясь от бомбежек в подземке, мы никогда не были уверены, что нас не будет ожидать кратер на том месте, где когда-то стоял наш дом. Мы с мамой провели много ночей, укрываясь на станции «Хаммерсмит». Примерно за неделю до моего рождения она решила, что у нее могут случиться схватки во время одной из тяжких ночей, которые ей приходилось проводить на платформе номер четыре. Спустя все эти годы сложно представить, как она справилась со всем этим в одиночестве, пока папа был на войне. Пожалуй, легче не стало, когда мы с мамой на тринадцать месяцев эвакуировались в сельский дом в Странраре, на юго-западе Шотландии, чтобы избежать самых беспощадных бомбежек. Миссис Джеймсон, наша хозяйка, уже делила свой четырехкомнатный коттедж с еще одной семьей фермеров, но она все же выкроила местечко для моей мамы, меня, моей тети Джесси и двух ее дочерей. Пять человек ютились в одной комнатке. По прошествии более семидесяти лет, пускай и с большим опозданием, но я хочу выразить благодарность миссис Джеймсон и всей ее семье.

Столько потрясений выпало на долю молодой мамы, но Ирен никогда не жаловалась. Даже много лет спустя я никогда не слышал, чтобы мама или папа говорили что-то плохое про свою жизнь в военное время. Они вспоминали только хорошие времена. Шесть лет смерти и разрушения гигантских масштабов они представляли, как чудесное времечко. Но не думаю, что кто-нибудь из нас, детей войны, позволил себя одурачить. Дети проницательны, от них не утаишь, что времечко было далеко не чудесным. Между строк этих веселых историй мы читали правду. Даже будучи ребенком, я понимал, что те времена были очень тяжелыми для папы. Он потерял своего брата в Бирме. Нам сообщили, что это была дизентерия, но он был в японском лагере для военнопленных, поэтому кто знает, от чего он умер. Папа никогда не говорил об этом, но были косвенные намеки.

Однажды мы направлялись в деревню Лансинг в Сассексе, чтобы навестить мою младшую сестру Джиллиан. У нее диагностировали шумы в сердце, и по этой причине ее отправили в санаторий. Каким-то образом папа заполучил большое старое такси. Понятия не имею, как он это сделал, но только так мы могли видеться с Джиллиан каждое воскресенье в течение года. Тот визит пришелся на День памяти павших. Незадолго до 11:00 папа остановил такси и заставил нас стоять на тротуаре в тишине, как он это делал каждый год. Я заметил слезу, стекавшую по его щеке. Для мальчика было шоком увидеть своего отца плачущим. Он был добрым чело-

веком, но отчасти пустым – вот что сотворила с ним война. Я помню, у него был такой же взгляд за день до собственной смерти. Это случилось девять месяцев спустя после того, как моя сестра умерла от рака груди. Ей было всего тридцать два года. В тот день я понял, что мой отец плакал внутри не только после смерти Джиллиан, но с тех самых пор, как вернулся с войны. Война вытворяла это со многими людьми. Она забрала что-то у каждого. Отец Пита, Клифф, был очень похож на моего, хотя говорил он намного больше. Я уверен, что ему помогло справиться с травмой то, что он играл на саксофоне в группе Королевских военно-воздушных сил Великобритании. Мой же папа всегда хотел только тишины. Мне кажется, что на протяжении всей жизни он так и не смог отойти от послевоенного шока.

* * *

Мое самое первое воспоминание было связано с отцом, который вернулся с войны. Он был ранен в День «Д» (день высадки союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 года. – *Прим. пер.*), но сразу же приступил к исполнению административных обязанностей, поэтому его не демобилизовали до конца 1945 года. Тогда мне было без пары месяцев два года, поэтому вполне вероятно, что первое воспоминание было собрано из фрагментов. Но я помню, как вся семья впервые собралась вместе в нашей гостиной, где вдоль стен были

расставлены стулья. Я помню паутину на мужских сапогах, его рюкзак и военную каску. А еще я помню свое удивление, когда этот совершенно незнакомый человек, который только что пришел к нам в дом, разделил постель с моей мамой.

Кажется, что все это так далеко, эта жизнь, детство, взросление в послевоенные годы. Если вы сами не прошли через все это, то, боюсь, вам будет сложно это представить. Неслучайно многие, кто был родом из моей эпохи, отставали в росте. Первые два года моей жизни оказались самыми голодными из-за нехватки продовольствия. В 1945 году американцы решили прекратить свою политику ленд-лиза, благодаря которой Британия в рассрочку получала продовольствие из США. В то же время, как только военные действия закончились, мы столкнулись с необходимостью делиться едой с немцами. Я никогда не слышал, чтобы кто-то на это жаловался. Немцы были врагами, пока шла война, а после мы делились с ними без каких-либо возражений. В конце концов они были в куда худшем положении, чем мы. Я думал об этом, когда впервые приехал в Германию с The Who в 1966 году. Я был просто поражен. Как так получилось, что мы воевали с ними? Они так похожи на нас. Это чудесные люди. А мы шесть лет вели против них полномасштабную войну. Сумасшествие.

Большую часть моего детства еду выдавали по карточкам, и наши аппетиты уменьшались вместе с нашими животами. На завтрак у нас была каша и бутерброды с сахаром к чаю.

«Национальный хлеб» приходил с «добавкой кальция», он был посыпан мелом – уловка, чтобы мы думали, будто получаем белый хлеб. Приходилось стоять в очереди за еженедельной порцией яичного порошка. Два раза в год в качестве угощения у нас была жареная курица. Тогда это было большое событие, но сегодня эти цыплята вряд ли смогли бы попасть на полку супермаркета. Это были паршивые, тощие, жилистые недомерки – больше костей и сухожилий, чем мяса. В 1998-м я сыграл Эбенезера Скруджа в постановке «Рождественской песни», которая проходила в Мэдисон-сквер-гарден, и на столе у бедного трудолюбивого офисного клерка Боба Крэтчита была курица по крайней мере вдвое больше, чем у нас после войны. И это его мы должны были жалеть?

Мы ничего не выбрасывали: старые тряпки, бумага, банки, кусочки ниток и пустые бутылки – все это могло пригодиться. На полках не было игрушек. Нельзя было заскочить в магазин за новой детской коляской или даже детской одеждой и обувью – все бралось из вторых, третьих, четвертых и даже шестых рук. Мы снашивали наши туфли до дыр, а потом папа показывал нам, как чинить их. Сколько людей сегодня смогут починить свою обувь? Тогда это было нормально, но сейчас такое просто невозможно представить. Сменилось целых три поколения, и те времена отстоят от нас на тысячи миль, но я все еще поражаюсь, как мы проделали этот путь оттуда сюда. Что интересно, я не помню, чтобы в те времена

мне было тяжело. Возможно, эти чувства спрятались где-то глубоко внутри, но по большому счету мое детство, не считая Реджи и его предательского одеяла, было счастливым.

Чем больше я об этом думаю, тем больше понимаю, каким удивительным было поколение наших родителей. Им никогда не нужно было много для счастья. Все, что им было нужно, – это мирное небо над головой и возможность время от времени повеселиться. Попойка с парой бутылок бурого эля считалась вечеринкой века. Набор проще некуда, но они знали, как отлично провести время, обходясь малым. Сегодня все наоборот – можно получить что угодно по щелчку пальцев. Если честно, не совсем понимаю, к чему все это нас приведет. Я уверен, что если вы молоды и не ведали другой жизни, то вы так и будете плыть по течению. Возможно, когда-нибудь вы сможете мне это объяснить.

До того, как моя сестра серьезно заболела, каждое воскресенье всецело посвящалось семье. Все мы, каждый член семейства Долтри, начинали день в церкви на Рейвенскорт-парк-роуд. Я пел в хоре. Я ведь уже говорил вам, что был маленьким ангелочком? Затем, после воскресной школы, мы отправлялись в Хануэлл колонной автомобилей, которую возглавлял папа на своем такси. Это был «Austin 12/4» с отделкой кузова от Strachan (Strachan & Brown, один из крупнейших производителей автобусных кузовов в период с середины 20-х до конца 60-х годов XX века. – *Прим. пер.*) Крыша сзади складывалась, что очень напоминало совре-

менный «Роллс-Ройс». Впереди восседал он, наш шофер. Рядом с ним за импровизированной дверью находилась мама – на сиденье, которое он прикрутил туда, где раньше был багажный отсек. Мы все сидели сзади, одаривая наших подданных королевскими приветствиями. Это было невероятно.

Где-то в окрестностях было местечко под названием Банни-парк, прямо под виадуком Уорнклифф в Хануэлле, где мы проводили весь воскресный день, играя в крикет, пока мимо проносились паровозы Большой западной железной дороги. Так, час за часом, проходили длинные летние дни, и все кузины, тетушки и дядюшки присоединялись к нам. Может быть, я вспоминаю только хорошие времена. Может, я приукрашиваю все, в точности как это делали мои родители. Наверняка у нас случались споры, но я их не помню. Говорили, что со мной проблем не напасешься. Я всегда замышлял какую-нибудь шалость. Что я точно помню, так это то, что мне приходилось бороться за все, чего мне хотелось. В те дни тебе ничего не приносили на блюдечке с голубой камочкой. На мой взгляд, это было не так уж плохо. Сомневаюсь, что моя жизнь сложилась бы так, как она сложилась, если бы я с младых ногтей не усвоил этот урок.

* * *

Мы жили в съемных комнатах в доме под номером 16 на Перси-роуд. Моя тетя Джесси и мой дядя Эд жили внизу с

тремя моими кузинами – Энид, Брендой и Маргарет, самой младшей из них. Я, мама и этот странный человек в армейских ботинках, который оказался моим отцом, жили наверху. У нас было две спальни, гостиная и кухня, где стало тесновато, когда на свет появились две мои сестры. За кухней вниз по лестнице была общая ванная комната. Я был единственным мальчиком, который делил ванную комнату с двумя сестрами и тремя кузинами. Пять девочек против одного мальчика, так что мне пришлось научиться скрещивать ноги.

Мои тетя и дядя были убежденными лейбористами, и когда я стал постарше, нас, бывало, отвозили на социальные лейбористские уикенды в общественные центры, где стоял запах табачного дыма и было вдоволь пива. Я никогда не разговаривал с отцом о его политических взглядах. По идее, он тоже был лейбористом, но по неясным причинам он их ненавидел. Он называл их пустобрехами.

Кстати, мои кузины были очень смышленными. Они без конца говорили о том, что сегодня узнали в школе, и я слушал их с открытым ртом. Как и большинство детей, я стремился к знаниям. Система еще не отбила у меня желания учиться. Энид рано стала следовать тенденциям моды. Она увлекалась битниками. Для меня все они были похожи на стариков с их вязаными мешковатыми пуловерами и неряшливыми бородами. А девчонки одевались, как Дорис Дэй. Они слушали традиционный джаз, который, конечно, был

бодрее, чем группа Билли Коттона, звучавшая по радио каждое воскресенье в обед.

Энид и Бренда сдали все свои экзамены и поступили в университет. Понятия не имею, от кого им достались мозги. Это сбивает с толку. Другая сестра моей мамы, Лорна, вышла замуж за парня по имени Эрни, который работал электриком. У них было два сына, один из которых попал в Оксфорд, когда ему было четырнадцать лет. Они оба стали уважаемыми физиками-ядерщиками. Вы бы ни за что не догадались, что в моей семье есть физики-ядерщики, не так ли? Своему успеху мои двоюродные братья и сестры обязаны системе средней классической школы Великобритании. Они были умным рабочим классом, поколением классической школы, которое отстроило Британию после войны и пробилось в люди. Они были наглядным доказательством того, что система работала. Но она работала для них, а не для меня. Думаю, больше я страдал не от образования как такового, а от необходимости быть как все. Во мне было больше бунтарского духа, чем в моих двоюродных братьях и сестрах. Я ненавидел, когда мне говорили, что делать. Хотя нет, я слукавил. Я был довольно счастлив, выполняя приказы в «Бригаде мальчиков». Я пел, сидя на плечах сержанта, и шагал туда-сюда по пляжу в строю. Я был рад придерживаться правил в начальной школе. На самом деле мне это нравилось. Я хорошо ладил с учителями, был лучшим среди одноклассников. Моей любимой частью дня была прогулка до

моей школы имени королевы Виктории. Сколько детей могут сказать то же самое?

Мне приходилось носить короткие брюки, жилет и свитер. Этот чертов свитер стал единственной тучей на моем ясном синем небе. Он был сделан из шерсти. Речь идет не о приятной мягкой и удобной ягнячьей шерсти. На дворе было начало 1950-х годов, и это была грубая, колючая ужасная шерсть, то ли овечья, то ли конская. Казалось, надень я свитер из металлической мочалки для мытья посуды – кожа и то чесалась бы меньше. Мне годами приходилось носить этот свитер, и я возненавидел его всей душой. Когда мне было восемь лет, мама купила мне серую фланелевую рубашку, и это стало поворотным событием в моей жизни. Мама говорила мне, что я могу носить ее только два дня подряд, а потом ее нужно было стирать. Это значило, что мне пришлось бы вернуться к грубому, колючему проклятому свитеру. Поэтому я вставал в шесть утра, стирал рубашку, сушил и гладил ее, чтобы носить каждый день. Я был рабом моды. Или комфорта.

В течение последних трех лет начальной школы у меня был классный руководитель по имени мистер Блейк, и я любил его почти так же сильно, как эту фланелевую рубашку. Он учил меня истории, географии и всему тому, что мне было интересно. Он брал нас в школьные поездки, и мы с ним совершили много интересных открытий. Мы учились естественным путем, который является самым лучшим из всех. Он думал, что у меня есть потенциал. «Мальчик с широки-

ми интересами, интеллектуальный, музыкальный и спортивный», – написал он в итоговом отчете за 1955 год. Может быть, из меня тоже мог бы получиться физик-ядерщик. Тем летом я сдал экзамен «11+» (экзамен, сдаваемый некоторыми учениками в Англии и Северной Ирландии по окончании начальной школы, который позволяет выбрать учреждение для продолжения образования. – *Прим. пер.*) и «выиграл» место в школе района Актон⁷. Тогда же папа получил повышение по службе в Armitage Shanks, компании по производству сантехники, поэтому моя семья тоже понемногу выбиралась в высший свет. Мы переехали на две мили западнее, в утопающий в зелени отдельный дом номер 135 на Филдинг-роуд в Бедфорд-парке. У нас была своя собственная ванная комната, собственный сад перед домом и на заднем дворе. Это была настоящая мечта амбициозной семьи из рабочего класса. Что касается меня, мне было все равно. Я не хотела никуда ехать. Мне не хотелось терять своих друзей. Для меня эти две мили были все равно, что миллион световых лет. Мне казалось, будто мы переехали на Марс.

⁷ Актон – район на западе Лондона. К началу XX в. Актон был одним из главных индустриальных районов британской столицы. (*Прим. ред.*)

Глава 2. Вон из школы

Спустя неделю занятий в новой школе я понял, что все это было ужасной ошибкой. Все ученики были из таких районов, как Гринфорд и Райслип, где деревья были выше, трава зеленее, а тротуары шире. Эти мажоры из интеллигентных семей даже говорили как-то по-другому или попросту «задирали нос», как это называли мои друзья. Это был не просто другой акцент – это был другой язык. Я не понимал ни слова из того, что они говорили. Вдобавок все усугублялось тем, что на вид я был очень худой и странный. Я не преувеличиваю, я выглядел... своеобразно. Всему виной был один инцидент. Не тот, о котором я уже рассказывал, а другой. Это случилось за четыре года до того, как я поступил в среднюю школу. Мы проводили отпуск в летнем домике моей тети в Борнмуте. По соседству была строительная площадка – обычное дело для тех дней: столько домов разбомбили до основания. Людям негде было жить. Как только дом достраивали, семья сразу же въезжала, даже если остальные дома на улице еще не были закончены. Поэтому было нормально быть в окружении строительных площадок, играть на стройках. Я дурачился по соседству, вероятно играя в ковбоев и индейцев. В разгар игры я умудрился споткнуться о какой-то строительный провод и приземлился прямо на свою челюсть.

Мама отвезла меня в больницу, там меня смотрели и ска-

зали, что все в порядке. Я не знаю, почему с больницами повторяется одна и та же история. Они всегда осматривают источник проблемы, а затем говорят: «Все в порядке». Домой я вернулся с мыслями, что это была ложная тревога. Через несколько часов моя челюсть опухла. Следующие пару дней каждый раз, когда мы выезжали из дачного домика, я отказывался выходить из папиного такси, потому что на моем фоне человек-слон выглядел бы как Фрэнк Синатра. Все на улице тарасились на меня, и я просто сидел взаперти, жалея себя.

Мне становилось только хуже. Челюсть опухала все сильнее и сильнее и вдобавок начала пульсировать к тому времени, как мама отвезла меня обратно на операцию. Пока мы ждали доктора, кое-что случилось. Откуда ни возьмись в помещении появился ужасный запах. Люди принялись осуждающе смотреть друг на друга. Кто мог быть настолько безрассудным, чтобы «пустить голубя», находясь в приемной? «Это не я», – читалось в моих глазах, когда все усталились на меня. Но потом и я это почувствовал. Моя рубашка, моя прекрасная фланелевая рубашка вся промокла, потому что нарыв на моей челюсти лопнул. На этот раз меня отправили на рентген, и выяснилось, что у меня в трех местах была сломана челюсть.

Я рассказываю вам эту историю по двум причинам. Во-первых, чтобы вы могли представить, что каждый раз, переступая порог Актонской средней школы, я обращал на себя внимание, словно большой палец, по которому заехали мо-

лотком. Во-вторых, после того, как моя челюсть выздоровела, я больше не чувствовал боли, когда меня били по лицу. Наверное, это очень важно. Если бы я пошел по жизни со стеклянной челюстью, все могло бы сложиться иначе.

В школе, где большую часть составляли щеголи из высшего общества, которые ожидали, что в первые годы обучения ты будешь их мальчиком для битья, последнее, чего бы вам хотелось, – это выделяться среди остальных словно набухший палец. Очень быстро и весьма предсказуемо я стал мишенью для насмешек. Мне дали прозвище Трог (пещерный человек (англ.). – *Прим. пер.*), которое до сих пор преследует меня. Любимым занятием старшеклассников было подвесить меня к проволочной ограде, окружавшей игровую площадку. Они заставляли меня держаться за нее руками, а потом поднимали мои ноги, чтобы я оказался в горизонтальном положении. А затем, когда мои руки уставали, – бац! Я падал. Ох, как им это нравилось. Я никогда не чувствовал себя таким ничтожным.

Вскоре я начал прогуливать уроки и просто ошивался то тут, то там целый день. Бывало, я часами бродил туда-сюда по прибрежному парку Дьюкс Медоус, вечно голодный и отчаянно одинокий. На берегу реки было красиво: дикая природа, зелень и свежий воздух, но я думал, что если жизнь действительно такова, то я не хочу жить в этом мире. Я был близок к мысли о самоубийстве. Думаю, все усугублялось еще и тем, что годы учебы так сильно отличались от моего

счастливого дошкольного детства.

Те дни кажутся такими далекими. Это было шестьдесят с лишним лет назад. Но я до сих пор помню один день, словно это случилось вчера. Это была пятница, конец длинной недели. На перемене я находился на детской площадке, пытаясь чем-то себя занять, чтобы не выглядеть таким одиноким. Я представил свое будущее и вдруг осознал, что впереди меня ждали долгие годы такой жизни. Страданиям не было конца. Я вышел из школы и направился к дому, чувствуя себя совершенно опустошенным. Дома никого не было. Я нашел снотворное моей мамы и просто сидел, глядя на бутылку. Затем я принял четыре или пять таблеток. Мама с папой потом все не могли взять в толк, почему я проспал сорок восемь часов. Вероятно, они подумали, что это просто часть взросления.

Вдобавок общение с учителями не складывалось. Там не было мистера Блейка. Единственным, кто мне нравился, был мистер Гамильтон, наш преподаватель по труду. Учитель математики терпеть меня не мог, потому что я ненавидел математику. Я просто не мог затолкать ее в свой мозг. Для меня остается загадкой, почему нельзя просто выяснить, какие дети хорошо разбираются в математике, и позволить им заниматься ей, а остальных оставить в покое. Дико, что мы до сих пор не разобрались с этим. Очевидно, в жизни пригодится умение складывать цифры, но я и без того мог это сделать. Как еще, по-вашему, мне удалось выяснить, на сколько нас

нагрели, когда The Who начали зарабатывать хорошие деньги в 1970-х? Но алгебра, тригонометрия, синусы, косинусы, тангенсы и все такое? Умоляю! Каждый должен заниматься своим делом.

Наш классный руководитель, мистер Ватсон, презирал Элвиса. Как вообще можно презирать Элвиса? У меня был один и тот же учитель английского на протяжении трех лет, и все, что он делал, это бросал нам учебник в начале каждого урока, зажигал трубку, закидывал ногу на ногу и читал газету «Racing Post»⁸. Он ничему нас не научил. Еще была учительница музыки, миссис Боуэн. Она просто хотела научить нас обращаться с точками и черточками на нотном листе, и это ничего для меня не значило. Вот так пишут хорал в стиле Баха, это восьмая нота, это четвертая нота. Это то, это се. Я не мог этого вынести. Где музыка? И знаете, что она мне отвечала? Она говорила мне, что я никогда не смогу зарабатывать на этом.

Все, чего я хотел, это чтобы меня оставили в покое вместе с гитарой. Летом 1956 года я познакомился с гитарой, и с того самого момента, как я сыграл свой первый аккорд, я был полностью сосредоточен на ней. В этом-то и заключалась главная проблема со школой. Я мог сосредоточиться на чем-то, если бы захотел. Я мог сделать что угодно, если бы захотел, но школьная система пресекала любую свободу.

⁸ «Racing Post» – газета о лошадиных скачках и ставках в Великобритании и Ирландии. (Прим. ред.)

Вы должны были смиренно сидеть в классе, следовать глупым правилам. Вы должны были делать, что вас попросят и когда вас попросят. Я был сыт этим по горло. Я терпел это дерьмо целый год, терпел притеснение в классе и издевательства за его пределами, прежде чем нашел в себе силы дать отпор. Однажды утром на обеденном перерыве один из хулиганов направился ко мне с недобрыми намерениями, но я схватил стул и со всей силы врезал ему. После этого они отступили. Этот стул поменял ситуацию на сто восемьдесят градусов.

Не думаю, что я сам превратился в хулигана. Я научился защищаться и отныне не мирился с дерьмом, но сам никогда целенаправленно не искал неприятностей на свою пятую точку. Хотя, кажется, у Пита сложилось другое мнение на этот счет. По его рассказам, в Актоне я дрался с одним китайцем на год младше меня. Клянусь, в школе не было ни одного китайца. Знаете, я ведь правда очень миролюбивый парень, и, полагаю, что искренний тоже. Но в те дни мой характер был довольно переменчив. Мой предохранитель, отвечавший за ситуации «дерись или убегай», был короче члена колибри, и я всегда выбирал драку. Энергии у меня было хоть отбавляй, поэтому, когда я приходил в ярость, казалось, будто взорвалась бомба. Как только я чувствовал, что кто-то собирается на меня напасть, первый удар был за мной. Когда до окружающих это дошло, они оставили меня в покое, а если кто-то все же лез на рожон, то обычно он получал свое и заслуживал этого.

Единственной дракой, в которой я выступил зачинщиком, была драка, о которой я сожалею до сих пор. Мне тогда было четырнадцать лет, время, когда я еще искал свое место в мире крутых парней. Мы с другом устроили небольшую потасовку в комнате отдыха. Начиналось все безобидно, но потом он начал задирать меня, приговаривая, что я сейчас огребу. Я потерял контроль. Красная пелена застелила мои глаза. Прежде чем я сообразил, что творю, я перепрыгнул через скамейку и начал мутузить его руками и ногами. Я чуть было не убил его и тут же пришел в ужас от этой мысли. Самое скверное, что мой кореш дружил с бандой под названием «Актонские пижоны». Это были настоящие бандиты, которые наводили ужас на весь район, а не только на нашу школу. Они пришли из Актон-Лейн, из микрорайона Вейл по другую сторону железнодорожной линии British Light Steel Pressings⁹. Этой линии уже давно нет, но тогда она была своеобразной Берлинской стеной в культуре группировок западного Лондона 1950-х. Мне приходилось пересекать линию всякий раз, когда я навещал своих друзей. И вот теперь выяснилось, что парень, которого я избил до полусмерти, был

⁹ British Light Steel Pressings – британское предприятие транспортного машиностроения, существовавшее с 30-х годов до середины 60-х годов XX века. (Прим. ред.)

членом той банды. Просто чудесно.

Он рассказал своим друзьям, что я избил его, и теперь я был в их черном списке. Они собирались отомстить и сделали это раньше, чем я предполагал. В воскресенье после драки я ошивался в районе Илинг-Коммон, наблюдая, как мои друзья играют в футбол. Сам я не очень хорошо играл, мне просто нравилось смотреть, отпускать шуточки и смеяться. Не успела закончиться первая половина матча, как семеро парней из «Актонских пижонов» обступили меня. Среди них был Джонни Крафт, бондарь из пивоварни Fuller's, и братья Уильямс из Актон-Лейн. Они якобы хотели немного поболтать. Бежать было ни в коем случае нельзя. Если убежишь, они ринутся в погоню. Если вздумаешь бежать, то ты труп.

Что еще важнее, бегун из меня был так себе. Меня обступили кольцом, и маленький Джонни Крафт (он был моего роста, но работал бондарем, поэтому был крепким парнем) сказал: «Ты избил нашего приятеля». «Я знаю, – ответил я ему. – Мне очень, очень жаль». Я сказал так не только потому, что мне было очень-очень жаль, но и потому, что их было семеро. Мои извинения не тронули Джонни. Он объявил, что теперь настал мой черед платить по заслугам, и начал бить меня. Я отказался дать отпор, потому что единственное решение более абсурдное, чем попытаться бежать, было начать отбиваться. Они только этого и ждали. Это дало бы им право навалиться всей кучей. Итак, разгневанный Джонни достает здоровую деревянную дубинку и начинает

меня ею дубасить. Его дружки подначивали меня ответить, и в ужасающий момент очумелого прозрения я понял, что у меня нет выбора. Пассивное сопротивление не сработало. Я ударил его по лицу, и его нос тут же взорвался фонтаном крови. Его приятелей это невероятно взбесило. «Дерьмо», – подумал я про себя. Почему я не мог ударить его в менее «кровавое» место? Почему я просто не пнул его по яйцам? Круг смыкался, и я оказался лицом к лицу с Микки Дигнаном, который бы не нуждался в моем представлении, если бы вы имели хоть какое-то представление об «Актонских пижонах». Он имел скверную репутацию пыряльщика и, подтверждая все слухи, вытащил перочинный нож, так что теперь у меня были реальные проблемы. Покойся с миром, Роджер Гарри Долтри. Ушедший из жизни задолго до своего расцвета.

И все это происходило из-за того, что я сорвался в комнате отдыха в прошлую среду. Через десять минут мне на выручку пришли старшие парни, игравшие в футбол на другом поле, хотя я нисколько не возражал, если бы они подросли пораньше. Они заметили, что происходит, и сказали, что семеро против одного это нечестно. Пижоны из Вейла отступили. Микки убрал свой перочинный ножик и предостерег меня, чтобы отныне я был начеку.

Не знаю, как бы я справился со всем этим, если бы не начал встречаться с Барбарой Мейсон. Барбара была моей первой подругой, и она была красивой, прекрасной девчонкой.

Слишком хорошей для меня. Я привлек ее внимание, потому что пел в группе. Она жила в одном из панельных домов восточного Актона, спешно возведенных правительством в попытке разрешить жилищный кризис, и единственным способом добраться до нее было пройти мимо жилища Микки Дигнана. В этом возрасте, да и в любом другом тоже, вы бы пошли на все, чтобы добраться до дома своей девушки, особенно если она была на год старше вас и на несколько дюймов выше. Так что в разгар лета мне пришлось носить стоячие воротники и дурацкие шляпы, просто чтобы добраться до Барбары в целостности и сохранности. Я должен был развить в себе осторожность испуганного кролика. Для пущего эффекта я всем растрезвонил, что ношу с собой топор. Топор с образом кролика не вязался, но мне верили. Все дело было в имидже, который, как я полагаю, сослужил мне хорошую службу, когда я стал фронтменом The Who.

* * *

1 марта 1959 года, в день, когда мне исполнилось пятнадцать лет, меня вытурили из школы. Наверное, этого следовало ожидать: меня регулярно ловили за курение и прогулы. В классе я прослыл бунтарем, потому что хотел, чтобы учителя просто оставили меня в покое. К тому же я был неофициальным школьным портным, и это, пожалуй, бесило их больше всего. Я брал шиллинг за «обновление» школь-

ной униформы. У мамы была швейная машинка, с которой я весьма хорошо умел обращаться. Я до сих пор собственно-ручно штопаю свои джинсы. Клиенты приносили мне нечто похожее на серый бесформенный мешок, а уходили с ровными прямыми брюками. К курткам я пришивал изящные значки по последней моде конца 1950-х.

В «Ателье Роджера Долтри» всегда не было отбоя от клиентов, что наверняка приводило в бешенство руководство школы. Я в буквальном смысле латал дыры в школьной системе.

Последней каплей стала стрельба из пневматического оружия, к которой я не имел никакого отношения. Вот что случилось, ваша честь. Во времена моего детства мы смотрели много фильмов о войне, поэтому любили изображать из себя солдат. У нас было пневматическое оружие. Оно не было особо мощным – пульки едва долетали из одного конца комнаты до другого, но я уверен, что сегодня у поборников безопасности нашлось бы, что сказать об этих игрушках, и, возможно, они оказались бы правы. Но, как я уже сказал, мы были детьми, к тому же я ненавидел правила, а одно из правил гласило: никакого пневматического оружия в школе.

Разумеется, я был просто обязан пронести свой пневматический пистолет в школу.

Мы дурачились в раздевалке после футбола, и мой приятель, а не я, выстрелил из моего пневматического пистолета. Пулька отскочила от стены и угодила другому парню в глаз.

Вероятность такого выстрела была один к миллиону. Поднялась адская шумиха, и, разумеется, поскольку пневматический пистолет был моим, всех собак спустили на меня. Это было достаточно справедливо: если бы я не взял его в школу, ничего не случилось бы. Но это не я нажал на курок. Парень, который стрелял, вышел сухим из воды, а я получил «шесть горячих» ударов по голой заднице. (В начале XX века в школах было нормой применять телесные наказания к ученикам за дурное поведение. Для этих целей учителя использовали короткую бамбуковую палочку, которой били по открытой ладони или по ягодицам провинившегося. Число ударов варьировалось в зависимости от тяжести проступка, и шесть ударов было разрешенным максимумом. Таким образом, получить «шесть горячих» значило понести самое тяжелое наказание. – *Прим. пер.*) После такой порки этого учителя следовало бы обвинить в сексуальном насилии. Самое плохое, что мой приятель ослеп на один глаз. Именно после этого случая директор школы, мистер Кибблвайт, вынес решение исключить меня. «Мы не можем контролировать тебя, Долтри, – сказал он. – Ты исключен». Когда я выходил из его кабинета, он кинул мне на прощание: «Ты никогда ничего не добьешься в жизни, Долтри».

«Большое спасибо, мистер Кибблвайт», – подумал я.

Итак, в день своего пятнадцатилетия я должен был прийти домой пораньше и сообщить родителям печальные новости. Они были опустошены. Мне кажется, что все действительно

могло закончиться серьезной дракой между мной и папой. Он вовсе не был жестоким человеком, но в тот день он был зол как черт. Я просто не понимал, в чем была проблема. Со мной все в порядке. Если бы кто-нибудь объяснил, что школа в первую очередь для меня, а не для учителей или системы, и что есть причины, по которым я должен придерживаться этих правил, то все сложилось бы иначе. Но никто со мной об этом не разговаривал. Я был доволен жизнью, пока мне не исполнилось одиннадцать лет, а затем мне пришлось пойти в эту школу. Мне казалось, что меня наказывают. Мне никогда не приходило в голову, что ходить в школу – это полезное занятие. Я думаю, что так оно и было.

В первой школе передо мной стояла цель как можно лучше сдать экзамен «11+». И я блестяще справился с этой задачей. Но в следующей школе вообще не было никакой цели. Поэтому, когда появилась рок-н-рольная музыка, она стала моей целью. Я решил, что буду заниматься этим. У папы на этот счет были другие планы. Закончив орать, он отправил меня прямо в службу занятости, и я неделю отработал на стройке.

* * *

Если бы не Элвис, я бы жил жизнью простого работяги. Но когда я впервые увидел Элвиса, в двенадцать или тринадцать лет, я понял, чем хочу заниматься. Конечно, Элвис был

Элвисом. Элвис-Пелвис (одно из популярных прозвищ Элвиса Пресли. – *Прим. пер.*). Король рок-н-ролла. Недостигаемая вершина для мальчика из Шепердс-Буш. Никто не мог быть как Элвис, хотя мы все думали, что можем выглядеть, как он. Нам был не по карману бриолин, чтобы зачесать волосы назад в стиле Короля, но мы добивались неплохих результатов с помощью мыла.

Но затем появился Лонни Донеган и перевернул мой мир в ту же секунду, как я увидел его в нашем маленьком черно-белом телевизоре в марте 1957 года. Лонни не был похож на Элвиса, он носил смокинг и галстук-бабочку, что было совсем не круто. Но он пел аппалачскую народную песню под названием «Cumberland Gap». Несмотря на то, что я не понимал, о чем там шла речь, она тронула меня. Музыка Лонни была первозданной. Я почувствовал дрожь. Тогда я еще не знал, как это называется, но недавно я прочитал статью об этом. Ученые из Университета Восточного Вашингтона изучали реакцию людей на музыку. Две трети из нас испытывают сильную эмоциональную реакцию на неожиданные стимулы, особенно на музыку. Если вы погружены в музыкальную пьесу и «открыты для переживаний», у вас больше шансов испытать эту дрожь. Именно так я всегда относился к музыке. Так было, когда я слушал Лонни, и точно так же было каждый раз, когда я пел перед аудиторией. Я не просто пою – я чувствую. Если повезет, то зрители не просто будут слушать, но прочувствуют музыку на каком-то глубинном,

первобытном уровне.

Еще до Лонни и его скиффл-группы музыка начала претерпевать изменения. Я помню, когда мне было около шести, на дневных шоу начали ставить больше американской музыки. Мой дядя играл на барабанах в небольшом джаз-бэнде, и он души не чаял в Хэнке Уильямсе. Это был первый раз, когда я услышал кантри. Но когда я открыл для себя Лонни, который исполнял все эти народные песни, такие как «Bring A Little Water, Sylvie» и «The Midnight Special», все стало по-другому. В его выступлении был свой шарм. Когда Лонни запрокидывал голову и выл, я подумал, что именно это мне и нужно. Я понимал, что Элвисом мне не стать, но неплохо подражать Лонни мог даже я. Лонни был менее контролируемым, более приземленным, и меня это устраивало. Именно после этого, вдохновленный традициями скиффла, я в возрасте двенадцати лет решил смастерить свою первую гитару.

Чтобы достать все необходимое, я должен был устроиться на летнюю работу, что тогда было в порядке вещей для ребят моего возраста. Мне удалось получить место в прачечной. Я начинал с самой нижней ступени карьерной лестницы – разгружал корзины с бельем. Черт возьми, я не мог поверить, в какой грязи жили некоторые люди. После одной из самых долгих недель моей двенадцатилетней жизни, в момент, когда я пытался не дышать через нос и сдерживать рвотные позывы от запаха только поступившей порции белья, босс сказал, что повышает меня. Повышение? Так я и поверил.

Меня перевели к стиральным машинам. Работа состояла в том, чтобы доставать из машин мокрые, только что вымытые простыни, которые весили целую тонну, и расправлять их. Я должен был поспевать за женщинами, которые занимались гладкой, а они были на сдельном окладе. Скармливать этим женщинам распутанные простыни было одним из самых тяжелых занятий в моей жизни.

Да уж, я заплатил за эту гитару высокую цену, но к концу лета у меня было достаточно денег, чтобы купить необходимый для начала работы материал. При этом я ориентировался на очень дешевый инструмент, который мне одолжил один из коллег папы. С натяжкой это можно было назвать испанской гитарой. Я вырезал корпус из фанеры и согнул по бокам более тонкие кусочки. Я понятия не имел, как прикрепить корпус к грифу, но каким-то чудом у меня это получилось. Затем я обследовал мастерские Хаммерсмита по ремонту музыкальных инструментов на наличие проволоки для ладов, креплений, колков и мало-мальски приличного бриджа. После многочисленных усилий и экспериментов мне удалось создать нечто, что можно было назвать гитарой. По крайней мере это выглядело как гитара и имело такое же устройство. Временами мой инструмент даже звучал как гитара, и этого было достаточно.

Я играл каждую свободную минуту, дарованную мне Господом (и моими надоедливými учителями), и даже немного чаще. Удивительно, как можно увлечься чем-нибудь, если

тебя не мучают тригонометрией. «Гитара» была больше похожа на терку для сыра, прикрепленную к куску дерева, поэтому мои пальцы ужасно кровоточили, но через пару недель я освоил три аккорда, с помощью которых можно было играть почти все, что крутили по радио. Через пару недель после этого я отыграл свой первый концерт, совместив образ Лонни с прической Элвиса. Концерт был в молодежном клубе, и я нисколько не нервничал. Я просто поднялся на сцену и без промедлений начал играть «Heartbreak Hotel».

Если вы спросите, откуда у тощего мальчика, пришибленного тяжким грузом школьных проблем, взялась уверенность предстать перед людьми с гитарой из фанеры и выступить, то я вряд ли смогу это объяснить. Это и тогда казалось странным, и до сих пор я сам не до конца понимаю, как у меня все это получилось, но я выжил и моя гитара тоже. Правда, через неделю она сломалась пополам. Мой небольшой просчет в дизайне сулил мне большие неприятности, потому что теперь я играл в группе. Не совсем группа в привычном понимании – скиффл-группа. Я начал играть в скиффл-группе, и моя фанерная гитара развалилась через шесть недель. На помощь пришел мой дядя Джон, который работал плотником в Бедфорд-парк. Он наблюдал, как усердно я пытался смастерить первую гитару, и теперь собирался помочь мне со второй. На этот раз мы как следует соединили гриф с корпусом, который, к тому же, был отполирован по-французски. Высота струн была комфортнее. Интонация все еще

была далека от идеала, но мне нужно было сыграть лишь три волшебных аккорда. Гитара выполняла свою работу и, самое главное, не треснула пополам через шесть недель. На самом деле она продержалась почти три года. И с тех пор, каждый раз, когда у меня было свободное время, я всюду ходил с этой гитарой, болтавшейся у меня на шее.

За пределами школы жизнь была в порядке. С родителями я общался мало. Когда я не репетировал с группой, то тусовался со своими друзьями из Шепердс-Буш и старшим двоюродным братом Грэмом Хьюзом. Он не был одним из будущих физиков-ядерщиков. Ученик художественной школы, он стал успешным фотографом и создал множество обложек альбомов для The Who и моих сольных проектов. Куда важнее, что у него в распоряжении было много разных пластинок. Он познакомил меня с рок-н-роллом. От Лонни я перешел к Литл Ричарду и к пятнадцати годам уже был готов сделать свою первую электрическую гитару. Я собирался стать рок-звездой, хотя на пути меня поджидало несколько препятствий.

Глава 3. Годы скиффла

Через неделю после того, как меня вытурили из школы в Актоне, я устроился на должность помощника электрика на стройке неподалеку от дороги. Это был более осознанный выбор карьеры, чем могло показаться на первый взгляд. Будучи помощником электрика, я с легкостью мог приобрести навыки и прикарманить материалы, необходимые для конструирования электрогитары. И это было прекрасно. Наконец, я был на свежем воздухе, вдали от математики и наблюдал за неудачниками, которые ходили в школу, пока я жил царской жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.